

БУРЖУА

Буржуа, многократно осмеянный, разоблаченный, подвергнутый критике на протяжении веков, кажется, навсегда потерял свою актуальность. Редки сегодня те, кто причисляет себя к буржуазии, редки те, кто ее защищает¹. Как в правых, так и в левых кругах, кажется, договорились о том, чтобы прекратить все спекуляции на темы буржуазии. Социолог Беатрис де Вита констатирует: «Уже не существует модели буржуа, смешиваемого с грязью. После десяти лет, когда это слово употреблялось в уничижительном смысле, все как-то успокоились»². Между тем буржуазия в наше время не только весьма далека от того, чтобы быть классом, обреченным на вымирание, как об этом непредусмотрительно объявила Аделин Домар³, но и более соответствует не социальной прослойке, а ментальности, подчинившей себе все. Если мы уже не видим буржуа, то это не говорит об его исчезновении. Возможно, он распространился повсюду и не поддается локализации. «Буржуа буквально исчез, он уже не живой человек, а мифологический персонаж. Сейчас этот термин можно применить разве что к нескольким динозаврам, глядя на которых невозможно не умереть со смеху»⁴. Однако это слово стало бессодержательным именно потому, что содержание, к которому оно

отсылает, переполнило собой реальность. Жак Элюль пишет: «Задайтесь вопросом: кто такой буржуа? У самых рассудительных людей это вызовет такое беспокойство, что я не знаю, как с ним можно будет справиться»⁵. Попытаемся, однако, и мы поставить его в очередной раз. А для начала в общих чертах опишем историю образования и восхождения класса буржуазии.

Во Франции буржуазия обязана своим развитием династии Капетингов, заключившей с ней альянс для уничтожения феодальных порядков. В XI в. происходят масштабные завоевания. В течение последующих двух столетий развивается движение коммун: коммун (городские общины), являющиеся ассоциациями городских «буржуа»⁶, воспринимают феодальные порядки как угрозу своим интересам. Буржуа, которые не являются ни нобилиями (знатью), ни сервами (зависимыми), а фактически единственными свободными людьми в феодальном обществе⁷, начинают прибегать к королевскому покровительству, чтобы освободиться от власти своих сеньоров. Буржуа «дезаурируют» своих сеньоров, разрывая «письма буржуазии» (т. е. приписки к определенному месту), и умоляют короля принять их под свое покровительство, освободив их от прежних обязательств. Монархия Капетингов, будучи соперницей феодалов, берет этих горожан под крыло, создавая «королевскую буржуазию». Начиная с XII в. монархи добиваются, чтобы дела горожан рассматривались в королевских трибуналах, а не в судах сеньоров. Они также запрещают своим вассалам увеличивать налоги на горожан. Одновременно они распространяют повсюду более однородные законы, основанные на римском праве, а не на традиционном праве регионов и племен. В других местах Европы, где «торговая революция» не зашла столь далеко, горожане устраивают бунты против феодалов, ограничивающих их свободы (в Кельне в 1074 г., в Брюгге в 1124 г.).

Если при своем появлении буржуазия опиралась на Государство, то и в ходе ее восхождения то же самое Госу-

дарство было для нее хорошим подспорьем. Ведь оно представляло собой более абстрактную, более безличную власть, чем власть феодала. Благодаря ей буржуа получали торговые и профессиональные послабления, позволявшие им обходить религиозные и политические ограничения. Рассматривая юридические установления этих ассоциаций горожан, Макс Вебер не побоялся сказать, что с юридической точки зрения они представляли собой «революционную узурпацию». Государство, со своей стороны, рассчитывало прежде всего на финансовую поддержку со стороны буржуазии. Но, обретая такую поддержку, оно постепенно разрушало и феодальные связи, бывшие путями на его ногах. Это движение заметно усиливается в эпоху Столетней войны (1346–1452). Для того чтобы участвовать в войне, сеньоры были вынуждены передавать часть своих полномочий и прав другим людям. Буржуазия получала от этого прибыли. Рядом с сеньориальной экономикой возникал новый экономический сектор, эволюционировавший по направлению к капитализму. Опираясь на буржуазию, монархия Капетингов организовывала в паре с ней и королевскую власть и рынок, одновременно проводя объединение страны, завершившееся к концу XV в. «Без поддержки, которую буржуазия спонтанно оказывала королевской короне, последней было бы очень трудно собрать воедино те земли, которые сегодня составляют Францию», — пишет Пьер Луций⁸.

Феодальная система начинает рушиться в начале XV столетия. Одновременно появляется артиллерия, что сводит на нет значение укрепленных замков и крепостей. В то время как старая поместная аристократия начинает беднеть, союз между буржуазией и королевской властью крепнет. Монархи рекрутируют своих советников в среде буржуазии: Жак Кёр становится генеральным казначеем Карла VII. В XVI в. Франциск I по совету финансиста Полета начинает продажу должностей. Эти должности, облагаемые налогом, вскоре становятся наследственными. Луций пишет:

«Продажа должностей закрепила триумф буржуазии, развязала ей руки в торговле и промышленности. В то время как аристократия, обезглавленная или разоренная во время войны, забрасывала свои земли и посылала своих детей служить ко двору, буржуазия богатела и становилась подлинной хозяйкой страны»⁹.

Параллельно Государство изыскивает новые возможности для увеличения финансовых и фискальных доходов, которые бы расширили его могущество. Начиная с XIII в. оно ведет «капиталистическую» деятельность, основанную на рационализации экономики. Кольбер, будучи потомком многочисленных поколений торговцев, сказал: «Я думаю, что все будут согласны со мной в том, что величие и могущество государства измеряется тем количеством денег, которым оно располагает»¹⁰. С этой целью государство развивает крупномасштабную коммерцию и расширяет рынок в «дефеодализованном» пространстве, ставшем гомогенным благодаря унификации законодательства. Внутриобщинные неденежные обмены, основанные на взаимозависимости, становятся неприемлемыми с фискальной точки зрения, их необходимо свести к минимуму. «Государство жизненно заинтересовано в развитии рыночной экономики и сворачивании нерыночных обменов, — пишет Пьер Розанвалон. — Его политические и налоговые амбиции соединяются, чтобы создать рынок»¹¹. Современный рынок является результатом не «естественной экспансии» локальных рынков, но «крайне искусственного стимулирования» (Поланьи), порожденного публичной властью. Карл Поланьи пишет: «Экономическая история показывает нам, что национальные рынки никогда не появлялись в результате эмансипации от правительственного контроля. Напротив, рынок был результатом осознанного, а часто и насильственного вмешательства Государства, навязывавшего населению новую экономику с неэкономическими целями»¹². Образование рынка, ставшее возможным благодаря демонтажу феодальной системы, повлекло за собой и появление новой системы цен-

ностей, в рамках которой человек был обречен изыскивать прежде всего свой частный интерес. Внедряя повсюду «промышленную свободу», Государство, таким образом, атаковало традиционную общинную солидарность. Отныне оно распространяет свою власть на *субъекты*, а не на автономные группы. Оно разрывает связи индивида с его близкими, начиная процесс, который позже радикализирует буржуазная революция. Государство-нация строится в то же время, что и рынок, усиливая подъем буржуазии. Дюркгейм говорил: «Этатизм и индивидуализм идут рука об руку».

Многочисленные авторы вскрыли эту тесную связь между государством-нацией, индивидуализмом и рынком. Пьер Розанвалон отмечает: «Рынок является прежде всего структурированием и репрезентацией социального пространства. С этой точки зрения, государство-нация и рынок отсылают к одному и тому же способу социализации индивидов в пространстве. Они немислимы вне рамок атомизированного общества, в котором индивид является абсолютно самостоятельным. Существование государства-нации и рынка в социологическом и экономическом смысле невозможно в обществе, понимаемом как органическая социальная сущность»¹³. Именно в этой перспективе становятся понятны действия монархии Капетингов по разрушению совместно с буржуазией социальных связей, доставшихся в наследство от феодализма. Государство «не прекращало систематически разрушать все промежуточные формы социализации, характерные для феодального мира, которые делали возможной жизнь самодостаточных общин: семейные кланы, сельские общины, ремесленные цеха, братства и т. д. Государство воспринимает общество как свою собственную территорию. Оно разрушает все связи для того, чтобы сделать из индивида „сына гражданского общества“ (Гегель). Освобождая индивида от всех прежних форм зависимости и солидарности, оно развивает атомизацию общества. Только в таком атомизированном обществе оно и может существовать»¹⁴. Аналогичное наблюдение делает

и Жиль Липовецки: «Совместные действия современного государства и рынка и образовали ту пропасть, которая навсегда отделила нас от традиционных обществ. Они позволили создать общество, в котором индивидуальный человек является конечной целью и существует только для себя самого»¹⁵. Таким образом, понятия «буржуазия», «капитализм», «модерн» являются эквивалентными. Исследовать происхождение буржуазного класса — значит вскрывать истоки современности¹⁶.

В XVI в. великие географические открытия позволили наладить постоянный приток драгоценных металлов в Европу из Нового Света и тем самым освободили ее от зависимости от Востока. Прежде всего, они открыли возможность для неограниченного накопления богатств и безграничной экспансии. Экономическая деятельность детерринализируется, и большие торговые компании начинают заниматься вполне легальным вооруженным грабежом (обмен товарами с туземцами уступает место навязанной неравноправной торговле). Страсть к золоту соединяется с предпринимательским духом. Большой капитализм начинает свое развитие. Повсюду открываются товарные биржи. На фасаде биржи, появившейся в 1531 г. в Антверпене, было написано: «Для торговцев всех наций».

Одновременно, как уточняет Карл Поланьи, «в XV и XVI вв. Государство своими действиями навязывает торговую систему, уничтожающую протекционизм городов и мелких княжеств. Меркантилизм разрушил партикуляризм, охранявший локальную и межмуниципальную торговлю. Он перескочил через барьеры, возведенные местной торговлей, и тем самым уничтожил различие между городом и деревней, так же как и между разными регионами»¹⁷.

Именно с XV в. деньги начинают играть самостоятельную, субстанциальную роль. Это признают Эразм Роттердамский: «Деньги подчинили себе все» (*Pecunia obediunt omnia*) и Ганс Сакс: «Деньги это земной бог» (*Gelt ist auf Erden der irdisch Gott*). Феодалное общество должно было

полностью подчиниться понятию общего блага: дворянство и корпорации приносили торжественную клятву подчиняться его требованиям. Частная собственность была признана не как абсолютное право или право в себе, но исходя из практического расчета (богатства лучше используются частными лицами, нежели коллективами) и всегда с ограничениями. До того времени расчеты в экономике применялись как крайнее средство. Отныне в расчетах стали стремиться к точности: «Идея о том, что расчеты должны быть точными и обязательно сходиться, — очень современная идея» (Зомбарт). До этого деньги существовали только для того, чтобы их тратили. Фома Аквинский писал: «Польза денег в том, что их можно потратить» (*Usus pecuniae est in emissione ipsius*). «Извлечение прибыли ради прибыли, *lucrum in infinitum*, спекуляция и стремление к доходам до того были заклеены как постыдная страсть. В Средневековье бытовало суровое отношение к продаже и перепродаже с прибылью вещи, в которую не был вложен труд. Средневековым людям казался неоправданным доход, полученный только от самого факта посредничества продавца. По этой же причине Церковь осуждала ростовщичество»¹⁸. С этой точки зрения, мы присутствуем при настоящем перевороте ценностей, который постепенно проводила буржуазия. Предварительные расчеты становятся основой торговли. Стремление к прибыли трактуется уже как добродетель¹⁹. Антуан де Монкретьен в трактате «Политическая экономия», посвященном Людовику XIII, объявил обогащение самодостаточной целью: «Счастье людей состоит главным образом в богатстве».

Экономическая деятельность тоже изменила свою природу. Она была эмпирической, а стала рациональной. Раньше она должна была удовлетворять человеческим потребностям, отныне человек стал приспосабливаться к ее законам. Она была экономикой спроса и потребления, а стала экономикой предложения и обмена. Чем более расширялся рынок и чувствовалась необходимость в увеличении экономи-

ческих связей, тем более возрастала роль торговца, т. е. того представителя экономического класса, который был прежде всего заинтересован в количественном аспекте производства. Вернер Зомбарт подчеркивал: «Коммерция ориентирует дух человека по направлению к количеству, концентрирует его внимание и интерес на количественной стороне вещей. Торговец по доброй воле склоняется к их количественной оценке. Это происходит потому, что он не привязан никакими узами к тем предметам, которые он продает или покупает. Торговец проявляет к объектам своей коммерции внешнее и незаинтересованное отношение. Он видит в них только объекты обмена, и отсюда — количественная оценка вещей: объект обмена является величиной, и только эта величина интересна для коммерсанта»²⁰.

Поворотным пунктом по направлению к модерну была и Реформация. В то время как Лютер яростно нападал на рождающийся капитализм, Кальвин, напротив, пытался согласовать его с христианской моралью. Пуритане Англии и Голландии, а затем Америки считали большие прибыли знаком богоизбранности. Однако католическая Церковь, несмотря на свое отношение к деньгам, также внесла вклад в появление буржуазного капитализма. С одной стороны, она развивала идею о самоценности труда: человек находится на земле для того, чтобы работать, и работать все больше. Осуждая досуг (*otium*), она призывала к не-досугу (*neg-otium*), т. е. к «негоциантству», торговле. С другой стороны, вся ее мораль основывалась на идее рационализации поведения: греховно то, что противоречит требованиям разума. Вот почему Фома Аквинский осуждал одновременно и праздность (*otiositas*), и всякие проявления «эксцессов» и страсти. Зомбарт отмечал: «Если говорить о роли, которую сыграла католическая религия в формировании и развитии капиталистического духа, то нужно задуматься о том, что идея фундаментальной рационализации благоприятствовала капиталистическому образу мыслей, рассудочному и целеустремленному. В сущности, идеи прибыли

и экономического рационализма являются лишь приложением к тем правилам, которые католическая Церковь предъявляла к жизни в целом. Для того чтобы капитализм мог развиваться, естественный человек, человек импульсивный, должен был исчезнуть, а жизнь — с ее спонтанностью и оригинальностью — уступить место рациональному началу. Короче говоря, условием расцвета капитализма было переворачивание, трансформация всех ценностей. Именно это и породило искусственное и замысловатое существо, называемое нами *homo economicus*²¹.

В этой новой обстановке средневековое мировоззрение потерпело крах. Картезианство, пришедшее на смену номинализму, породило новое отношение к чувственно воспринимаемому миру. Дух и материя радикально разошлись, так же как Бог и мир, мысль и действие. Реальность стала разорванной и дискретной. Мир становится *объектом*, которым можно овладеть с помощью разумной деятельности, который можно рационализировать. Он становится вещью среди вещей. А все вещи можно оценить и измерить. Все они имеют свою цену, т. е. обменную стоимость, зависящую от спроса и предложения и определяемую их редкостью.

В прошлом личность человека формировалась в рамках его традиционной принадлежности: индивид *прославлял* и одновременно *продолжал* то, что ему предшествовало. Этот способ мировосприятия придавал ценность истокам. Отныне *новое* обретает самоценность. Дух предпринимательства подразумевает ориентацию в будущее. В то же время достижение нового состояния свободы мыслится как освобождение от оков прошлого. Экономическая деятельность считается безграничной: капиталистическая экономика должна работать сверх обычных нужд, постоянно достигая нового уровня. Нужно *изменить* мир, постоянно создавая что-то новое. Оптимум теперь совпадает с максимумом, лучшее сводится к большему. Появляется одержимость работой, изменениями, движением. Нужно изменить мир, чтобы *сделать* его индустриальным, финансовым и техни-

ческим. Как верно заметил Жак Эллюль: «Постоянное движение, сдвигание всего с насиженных мест являются более важной характеристикой буржуазии, чем частная собственность. Она заставляет работать весь мир. Она проводит череду революций, чтобы установить или навязать нужный политический режим. Она часто в короткий срок радикально меняет экономические структуры, постоянно замещает их новыми и завоевывает всю землю»²².

В XVII и XVIII в. буржуа изобрел идею о том, что он появился на земле, чтобы быть «счастливым». Это была наиболее *естественная идея*²³. Развитие индустрии и техники породило иллюзию о том, что счастье находится на расстоянии протянутой руки. Достаточно только уничтожить все препятствия, унаследованные от прошлого. Человечество безальтернативно движется вперед. Что же до счастья, то оно стало восприниматься как материальное благосостояние (достаток и комфорт), зависящее от внешних обстоятельств, достигаемых трудом. Также можно стать счастливым, когда общество станет «лучше». Идеология счастья, таким образом, сопрягалась с прогрессом, который давал ей свое поручительство.

Прогресс — это прежде всего продолжающееся экономическое развитие. Развитие более уже ни созревание до состояния полноты, ни достижение какой-либо нормы или цели. Отныне это неопределенное прибавление определенных количеств. Развиваться — значит «достигать состояния, которое нельзя определить ничем иным, как способностью переходить к новым состояниям» (Корнелиус Касториадис). Другими словами, буржуазия привнесла понятие «бесконечность»: сегодня является лучшим, чем вчера, но худшим по отношению к завтра. В то же время, помещая бесконечное в мир, буржуазия, независимо от своего отношения к религии, приводила к духовной зашоренности. Об этом очень хорошо сказал Николай Бердяев: «Буржуа, в метафизическом смысле этого слова, это человек, который верит только в вещи, которые можно увидеть и потрогать, чело-

век, стремящийся к стабильности и уверенности. Он не отдает себе отчета в тщетности и ничтожности благ этого мира. Он принимает во внимание только экономическую мощь. Буржуа живет в конечном, он отвергает путь в бесконечное. Бесконечным он считает только экономическое развитие. Он признает бесконечность увеличения благосостояния, он не видит границ для перекраивания жизни, но тем самым конечное все больше его порабощает». Бердяев заключает: «Именно буржуа создал царство вещей, но именно вещи его порабощают и им управляют»²⁴. В мире, превращенном в объект, человек тоже становится вещью.

Долгое время у буржуазии был союз с монархией. Однако затем внутри этого союза возникли трения. Очень рано буржуазный класс перестал удовлетворяться простой благосклонностью Государства. Он стал искать возможности взять его под контроль, что выразилось в восстании Этьена Марселя (1358), а также в других восстаниях в правление Людовика XI, Франциска I, Людовика XIV. Однако в эти эпохи у буржуазии еще не хватало сил для контроля над Государством. Только в XVIII в. буржуазия достаточно окрепла, чтобы захватить власть. В отношениях буржуазии с Государством можно выделить три этапа. На первом этапе буржуазия видит в покровительствующей ей политической власти только инструмент для создания рынка. На втором этапе благодаря достигнутым ранее позициям она создает оптимальный для нее тип экономического господства. Наконец, на последнем этапе она стремится к господству политическому. Начиная с 1750 г. богатая, могущественная, проникнутая идеями Просвещения буржуазия уже не нуждалась в короле, ставшем препятствием для ее целей. Монархия, со своей стороны, выродилась в абсолютизм. Буржуазия взяла власть в Англии в 1688 г.²⁵, в 1789 г. это повторилось во Франции.

В своем неутолимом стремлении к полной свободе действий буржуазия прониклась убеждением, что поиск максимально возможной прибыли является наиболее легитимным чаянием. Она стремится разрушить все, что кажется ей

ограничением экономической активности: политику, традиции, сословия, общины. Вхождение в Модерн разрушило все противовесы, которые способствовали, по выражению Шарля Пегги, тому, что слава не была только временным и преходящим явлением: «С приходом современной эпохи потерпели крах некогда могущественные силы. Однако это падение отнюдь не способствовало расцвету могущества духа, предоставляя ему свободное поле. Напротив, подавление этих сил способствовало только силе и могуществу денег. Оно освободило место для их ничем не ограниченного господства».

Известно, что все лидеры революции были буржуа. Однако они совершали революцию не от своего имени, но во имя «прав человека». То есть буржуазия скрывала свои истинные интересы под флером «универсального». Она искренне полагала, что ее собственные, присущие только ей качества являются общечеловеческими ценностями, теми самыми, что могут наделять достоинством абстрактного индивида. Отсюда исходит убеждение в том, что собственность является «естественным правом», что человек — это собственник самого себя и что его главной целью является поиск наибольшей возможной выгоды. Общественный интерес является не более чем равнодействующей частных целей, достигнутых наилучшими средствами. После такого определения права победу одерживает идея о том, что главной целью жизни является поиск блага для каждого отдельно взятого индивида. Результат этого процесса констатировал Мунье: «Сводя человека к абстрактной индивидуальности, не имеющей ни призвания, ни сопротивляемости, ни ответственности, буржуазный индивидуализм отдал его под власть царства денег, т. е. создал анонимное общество, управляемое безличными силами»²⁶.

Освободившись от монархии, буржуазия точно так же захотела освободиться и от народа, чтобы обрести абсолютную власть. Чтобы это осуществить, она избрала политическое понятие «нации», абстрактного единства, позво-

ляющего отнять у народа суверенитет, который ему был торжественно обещан. Теоретически народ является «сувереном». Фактически же суверенитет принадлежит нации, представляющей народ в его юридическом конституционном аспекте. В то же время только парламент может выступать и принимать законы от имени нации, а избирательное право предоставлено лишь «активным», т. е. состоятельным избирателям. Таким образом, в реальности все решали представители буржуазии, чему способствовал избирательный ценз²⁷.

Буржуазии понадобилось еще несколько десятилетий, чтобы закрепить за собой власть. Однако она быстро преодолела все этапы. В эпоху Реставрации и Июльской монархии ее представители заняли посты, зарезервированные до той поры за аристократией (в дипломатии, системе внутренних дел, местном самоуправлении). Людовик XVIII принял конституцию, копированную с английской модели. Буржуазное процветание с помощью колониальной экспансии выросло при Карле X и Луи Филиппе. Гизо в своем эссе «Современное состояние правительства и оппозиции во Франции» (1821) провозглашает, что будущее принадлежит «лавочникам», советует буржуазии обогащаться и без стеснения заявляет, что «народами хорошо управлять, когда они голодны». Выступая 3 мая 1837 г. в Палате депутатов, он говорит о том, что его программа заключается в «преобладании средних классов во Франции». После революции 1848 г. и в эпоху Второй империи начинается эпоха беспрецедентной экспансии либерального капитализма, ознаменованная также небывалым ростом промышленного пролетариата. Образование Третьей республики в 1875 г. знаменует собой полную победу финансовой буржуазии. 1900 год стал годом Всемирной выставки, Колеса обозрения, «Мулен Руж» и президента Лубэ. «Прекрасная эпоха» стала эпохой триумфа буржуазии, слегка затеняемого рабочим движением и недовольством горстки правых экстремистов.

Похожая эволюция наблюдалась и в Англии, где трения между промышленной буржуазией и поместной аристократией выразились в *Poor Law Amendment Act* 1834 г., отменившем постоянное место жительства и право на минимальный доход: промышленность нуждалась в легкоперемещаемых и бесправных рабочих. Выступая в 1796 г. в Палате общин, Уильям Питт утверждал: «Закон о постоянном месте жительства мешает труженикам свободно продавать свою рабочую силу на рынке по наилучшей цене». Отрыв от корней был необходим исходя из экономических требований. Результатом стало образование мобильного и оторванного от своих традиционных связей пролетариата, продающего свою рабочую силу по дешевой цене, чтобы не умереть с голоду. В то время как во Франции запрещались рабочие союзы, в Англии чартистов, выступавших за отмену избирательного ценза, бросали в тюрьму.

Буржуа XIX века самоопределялся благодаря своему статусу, рангу, состоянию и связям. Он — тот, кто «держит салон» (Сеньобос), кто «располагает возможностями» (Андре Зигфрид), даже тот, кто «владеет фортепьяно». Принадлежит ли он к средней, мелкой или крупной буржуазии, к буржуазии торговой или промышленной, к слою рантье или является «интеллектуальным и либеральным» буржуа, у него примерно одни и те же привычки, неписанные правила поведения, облик и даже матримониальные предпочтения²⁸. Это эпоха «буржуазного христианства», против которого так яростно выступали Пеги, Блуа и Бернанос, а Прудон в то время даже заклеил Церковь как «горничную наиболее невежественной и консервативной буржуазии»²⁹. Это также эпоха «прогресса», ознаменованная триумфом сциентистской идеологии: буржуа верит в науку так же, как он верит в железную дорогу, автобус и газовое освещение. Однако это также эпоха буржуазного гротеска, буржуа высмеивали романтики, артисты, богема и живописцы. Традиция изображать буржуа в качестве смешного, одуряченного персонажа, старикашки или рогоносца вос-

ходит к Мольеру, если не к баснописцам Средневековья. Однако именно в XIX в. эта художественная традиция достигает наивысшего расцвета. Скрудж и Грэдринд у Диккенса, а также такие персонажи французской литературы, как Перришон, Фенуйяр, Бювар и Пекюше, месье Пуарье, Прюдом, Цезарь Биротто, приходят на смену буржуа-джентльмену. Они вызывают к жизни народный роман и бульварную комедию (водевиль) таких авторов, как Лабиш, Клеман Вотель, Жюль Сандо. Они вдохновляют остроумие Бодлера, кисть Домье и карикатуристов «Масленки». Флобер, который был убежден, что единственным способом быть хорошим буржуа является прекратить быть им, написал такую фразу: «Я называю буржуа того, кто мыслит низко».

Гюисманс писал в одном ядовитом пассаже: «Буржуазия, более злостная и грязная, чем обнищавшая аристократия и падшее духовенство, переняла у них фривольное бахвальство и блеклое чванство, которые в ее исполнении стали еще хуже от ее безвкусицы. Она украла у них их пороки, превратив последние в омерзительные по лицемерности грехи. Авторитарная и скрытная, низкая и трусливая, она постоянно приносит в жертву одураченную ею толпу. Она сняла с нее намордник, чтобы натравливать ее, когда потребуется, на старые касты, лишённые ею власти. Когда-нибудь все это прекратится, из племса по соображениям гигиены будет выпущена вся кровь, и буржуа, опьяненный своей властью и своими деньгами и распираемый от собственной глупой гордыни, воцарится на троне. Результатом его пришествия будет удушение любой интеллигентности, смерть всякой порядочности, уничтожение всякого искусства. Это будет настоящей американской каторгой, распространенной на наш континент: огромное, глубочайшее, безразмерное хамство финансиста и выскочки станет объектом поклонения. Оно воцарится над мерзостным городом идолопоклонников, которые будут распевать ему свои незаконные литании, поклоняясь фасадам банков как священным скрижалям»³⁰.

Буржуа, обвиненный во всех грехах, кажется, стал Протеем. Ему вменяли в вину культ денег, тягу к безопасности, реакционный дух, интеллектуальный конформизм, отсутствие вкуса. Его называли филистером, эгоистом, посредственностью. Его отныне именуют выскочкой, эксплуататором народа, вечно сытым, самодовольным кретином. Его критики, часто противоречившие друг другу, сходились в общей ненависти к его карикатурному облику, но различались в принадлежности к социальным группам, из которых они вышли, и в том идеальном типе, который они предлагали в противоположность буржуа. Буржуазия была презируема правыми антилибералами, часто по эстетическим причинам и во имя «аристократических» ценностей (буржуазный мир уродлив и претенциозен, его ценности посредственны), в то время как левые ополчались на него во имя моральных и народных ценностей (буржуа были «привилегированными»). Эта двойная критика была очевидно амбивалентной. Она показала, что буржуа воспринимается одновременно как эксплуататор и антигерой, как элита и фальшивая элита, как наследник аристократии и карикатура на нее.

Рабочее движение, направленное против буржуазии, моментально разделилось по своим стратегическим установкам. Нарождающийся социализм раскололся на оппортунистов и революционеров, на «коллективистов» и «ревизионистов». Его реформистское крыло в конце концов решило сыграть в парламентские игры. Революционный синдикализм, напротив, утверждал, что буржуазию невозможно победить на ее поле. Он проповедовал прямое действие и клеймил «посредников», не позволявших рабочему классу выдвигать свои требования напрямую. Сорель и Лагардель особенно резко осуждали принятие социализмом правил буржуазного общества и его эволюцию по направлению к социал-демократии.

Отношение Маркса к этому вопросу чрезвычайно двусмысленно. С одной стороны, он обвинял буржуазию в став-

ших общеизвестными фразах: «Повсюду, где буржуазия захватила власть, она сбросила феодальные, патриархальные и идиллические отношения. Она безжалостно разбила все связи, соединявшие феодального человека с высшими ценностями, чтобы не оставить другой связи между людьми, кроме холодного интереса, жестких требований платежа в срок. Она размыла священный трепет религиозного экстаза, рыцарского энтузиазма и наивной сентиментальности в ледяных водах эгоистического расчета. Она превратила личное достоинство в простую обменную ценность. Она заменила многочисленные свободы, завоеванные дорогой ценой, одной безжалостной свободой коммерции. Буржуазия сорвала сакральный ореол со всех профессий, вплоть до самых почитаемых. Она сделала из врача, поэта, священника, ученого наемных работников у себя на содержании. Буржуазия сорвала вуаль сентиментальности с семьи и превратила отношения внутри нее в чисто денежные отношения». Вместе с тем Маркс счастлив констатировать, что буржуазия «подчинила деревню городу» и похоронила отношения взаимности, характеризовавшие буржуазное общество. Он подчеркивает ее «в высшей степени революционный характер» и роль, которую она сыграла в развитии производительных сил: «Буржуазия не может существовать, не изменяя революционным способом производственные силы, т. е. условия производства, а тем самым и все социальные отношения. Растворяются все традиционные и неподвижные социальные связи с сопровождавшим их роem древних и почитаемых концепций и идей: все, что приходит на их место, устаревает, не успев заостенеть. Все, что казалось постоянным и тяжеловесным, испаряется как дым, сакральное профанируется, и люди вынуждены наконец оценить условия своего существования и взаимные отношения непредвзято. Буржуазия, подталкиваемая нуждой новых свершений, покорила весь земной шар. Для нее необходимо внедряться повсюду, эксплуатировать повсюду, повсюду устанавливать отношения. Эксплуатацией мирового

рынка буржуазия придала космополитический характер производству и потреблению во всех странах мира. К недовольству реакционеров, она лишила промышленность ее национальной основы. Старые национальные индустрии разрушаются день ото дня. Под страхом смертной казни она заставила все народы принять буржуазный способ производства. Она заставляет их внедрять у себя цивилизацию, т. е. становиться буржуазными. Одним словом, она переделывает мир по своему лекалу. Буржуазия все более и более препятствует распылению средств производства, собственности и населения. Она переселила население в города, провела централизацию средств производства и сконцентрировала собственность в немногих руках. Фатальным последствием этих изменений была политическая централизация. Независимые провинции, связанные в слабую федерацию, обладавшие разными законами, правительствами, интересами, таможенными тарифами, объединились в одну нацию с одним правительством, одним законодательством, одним буржуазным национальным интересом, одной таможенной границей»³¹.

Фактически Маркс так и не определил, что же означает «буржуазный класс», указав только на то, что он является держателем капитала. Он практически ничего не говорит об историческом и социологическом происхождении этого класса. Он видит, что буржуа прежде всего *человек экономический*. В то же время в той мере, в какой он отводит экономике решающую роль, его критика буржуазии может разворачиваться только в ее собственном смысловом поле. Другими словами, его экономизм мешает ему провести радикальную критику буржуазных ценностей. Напротив, они его очаровывают, соблазняют. Не была ли буржуазия первым классом, вознамерившимся *переделать мир*, вместо того чтобы его понять? Призывая покончить с эксплуатацией, за которую несет ответственность буржуазия, он тем не менее не отказывается от буржуазных ценностей: с опре-

деленной точки зрения, бесклассовое общество — это все население мира, ставшее буржуазией³².

Не менее двусмысленны и фашистские идеологии. Теоретически враждебные либерализму, приверженные принципу «ни правое, ни левое», они очень часто ограничиваются радикализацией «национальной» консервативной группы поддержки, в большой мере приверженной буржуазным ценностям. Огромную часть их электората составляли представители среднего класса, напуганные кризисом и боявшиеся угрозы модернизации. Они постепенно «обуржуазили» фашизм. Противопоставляя «промышленный и производительный» капитализм капитализму «спекулятивному и финансовому», они ограничивались борьбой с «жирными», с представителями потомственных буржуазных фамилий³³, не ставя вопрос о логике капитала. Они выставляли возражения морального порядка, к которому была так привязана мелкая буржуазия, «самый несчастный из социальных классов», по выражению Пеги³⁴. Рене Жоанне, автор «Похвалы французской буржуазии», испытывал в то же время симпатии к фашизму Муссолини. Перечитывая сегодня «Манифест молодых правых», опубликованный Дрье де ла Рошелем в *Revue hebdomadaire* от 16 января 1926 г., можно констатировать, что «молодые правые» гордо провозглашали себя буржуа: «Мы добровольно и принципиально говорим о том, что наши лидеры являются буржуа и что буржуа, являются ли они таковыми по происхождению или выдвинулись благодаря талантам, должны сочетать свою власть с ответственностью»³⁵. Впрочем, идеология труда, продуктивизм, теория «борьбы за жизнь», часто вырождавшаяся в расизм или, как минимум, в социал-дарвинизм, также являются буржуазными родимыми пятнами фашизма. Они имеют свои корни в либерально-буржуазных концепциях конкурентоспособности и эффективности. Фашистские движения, а уж тем более фашистские режимы были привержены и буржуазному национализму. Как писал Эмманюэль Мунье: «Они боролись с индивидуализмом внутри своих границ и в то

же время яростно отстаивали его на уровне нации»³⁶. В то же время буржуазия может защищать нацию, родину, установленный порядок, только если при этом она защищает свои интересы³⁷.

Наиболее решительную критику капитализма мы находим в XX веке у нонконформистов 30-х годов³⁸, а еще раньше — у Шарля Пегги, согласно которому весь мир страдает от капиталистической забастовки. «Я не устаю повторять, — пишет Пегги, — что все зло идет от буржуазии. Любое извращение, всякое преступление. Я не устаю повторять, что именно буржуазия первая начала бастовать и всякая забастовка берет начало в буржуазии. После того как буржуазия стала рассматривать работу труженика как биржевую ценность, сам труженик стал рассматривать ее так же. И в связи с тем, что буржуазия стала систематически оказывать влияние биржевым бумом или крахом на работу тружеников, сами труженики стали использовать ту же самую биржевую тактику»³⁹.

Буржуазию можно рассматривать и как класс, и как представительницу определенной ментальности, носителя своеобразной системы ценностей. Макс Шелер рассматривал буржуазию как «биофизический тип», извращенная витальность которого подпитывается неудовлетворенностью и расчетливым эгоизмом. Буржуа никогда не рассматривает вещи сами по себе, он всегда задается вопросом: «Какая мне от этого выгода?»⁴⁰ Эдуард Шпрангер различает шесть типов личности, среди которых буржуа соответствует «человеку экономическому»: тому, кто не принимает в расчет ничего, кроме полезности вещей⁴¹. Для Николая Бердяева буржуазность — это главным образом духовная категория. Эдмон Гобло говорил: «Буржуа этот тот, кто перенял нравы буржуазии»⁴². И наконец, Андре Жид заключает: «Меня мало занимают общественные классы. Буржуа можно увидеть среди аристократов, так же как и среди рабочих и бедняков. Я распознаю буржуа не по его социальному уровню или костюму, а по уровню его мыслей. В буржуа прослеживается

ненависть к не приносящему прибыль, к незаинтересованному. Он ненавидит все, что выше его уровня».

Зомбарт также видит в буржуа психологический тип, который был в неравной степени распространен среди европейских народов, но получил преобладание благодаря развитию капитализма. Разумеется, он признает и связь между капиталистическим духом и самим капитализмом. В то же время признавая, что психические и духовные факторы влияют на психическую жизнь так же, как последняя определяет их, и напоминая, что институты являются результатом человеческой деятельности, а производитель предшествует продукту, он утверждает, что капиталистический дух в каком-то смысле предшествует капитализму. Это значит, что для развития капитализма нужны характеры и темпераменты, к нему предрасположенные: темпераменты более интровертные, более сконцентрированные, более склонные к накопительству, чем к расточению⁴³. Такой капитализм, по Зомбарту, появляется в торговых республиках Северной Италии и особенно во Флоренции в конце XIII в.⁴⁴ Законченный тип буржуа мы находим уже у Леоне Баттиста Альберти, автора трактата «Об управлении семьей» (*Del governo della familia*), написанного между 1434 и 1441 г. Он характеризуется тягой к накоплению и рационализации экономического поведения. Все это Альберти называет «святым духом порядка» (*sancta cosa la masserizia*). Согласно этому автору, необходимо не только не тратить больше, чем ты имеешь, но и тратить меньше, чем приобретаешь, т. е. накапливать, так как богатеешь не только много приобретая, но и мало тратя. Зомбарт пишет: «Доктрина буржуазных добродетелей начала особенно интенсивно развиваться после Кватроченто (XV в.). То, что было накоплено предыдущими поколениями городских обывателей, Альберти решил вдолбить в голову своим ученикам»⁴⁵. Это те же самые рецепты, которые мы находим в двух больших трактатах буржуазной морали, написанных на заре модерны: «Безупречном негодяе» Савари 1675 г. (*Le parfait*

negociant) и «Истинном английском купце» автора «Робинзона Крузо», Даниэля Дефо (*The Complete English Tradesman*), 1725 г. Первый говорит о сугубо мирной природе торговых отношений. Второй, настаивая на автономии экономической деятельности, сурово осуждает с пуританских позиций аристократические нравы той поры: «Когда я вижу молодого купца, держащего лошадей, направляющегося на охоту, дрессирующего собак, мне становится страшно за наше будущее». Те же идеи (критика фривольности, бесполезных расходов) присутствуют у Локка и Бенджамина Франклина. Буржуазные добродетели старого стиля — умеренность, воздержанность, накопление, прилежание, дух порядка и расчета — расцвели именно в англосаксонском мире, стимулируемые кальвинизмом и пуританством. Эти добродетели должны были повсюду упряднить фантазию, страсть, порыв, щедрость, «утяжелить» вещи, распространить везде законы и регламентацию, привить практический интерес к любой повседневной деятельности. Франклин оправдывает добродетель, говоря, что она, прежде всего, полезна. В каждом действии буржуа должна проявляться «экономическая мудрость» (Зомбарт).

Старые буржуазные добродетели противостоят, прежде всего, аристократическому, сеньориальному образу жизни: практике даров, мотовству, нерасчетливым тратам, расточительности, одним словом — щедрости во всех ее проявлениях. Зомбарт описал эту оппозицию двух темпераментов в следующем отрывке: «Эти два фундаментальных типа, человека, который тратит, и человека, который накапливает, сеньориального и буржуазного темперамента, входят в противоречие при любых обстоятельствах, в любой ситуации. Каждый из них оценивает жизнь и мир таким образом, что для противоположного типа при такой оценке не остается места. Первый из этих темпераментов удовлетворяется самим собой, второй является стадным. Первый представляет личность, второй — индивидуальность. Первый является эстетствующим и эстетским, второй — моралистским. Носи-

тели первого поют и играют, носители второго лишены всякого слуха. Одни расцветивают себя всеми цветами, другие бесцветны. Одни художники (по своим склонностям, но не всегда по профессии), другие функционеры. Одни сделаны из шелка, другие из сукна»⁴⁶.

Басня Лафонтена «Стрекоза и муравей» в шуточной форме демонстрирует полное переорачивание ценностей. «Все, что для аристократа означает упадок, становится идеалом для буржуазии», — пишет Эвола. Франклин отмечает: «Остерегайся принимать обиды слишком близко к сердцу. Они не то, чем кажутся на первый взгляд». Моральному порядку, основанному на понятии чести, подразумевающим идентичность человека его социальной роли, противопоставляется моральный порядок, основанный на достоинстве, подразумевающий абстрактную идентичность, независимую от роли⁴⁷. Любовь «как она есть», прославленная Руссо, аристократическая любовь, ориентированная на славу, уступает место расчету индивидуальных интересов. Отныне не надо больше искать ни славы, ни чести, ни героизма. Во всех делах нужно быть практичным, экономным, умеренным. Мудрость и предвидение уступают место благоразумию; любовь и доброта — простому аффекту; честь и долг — «безупречности»; гордость служения — гордости быть тем, каков ты есть, гордости предпринимательства; великодушие и щедрость — рассудительности. Аристократический (но также и народный) идеал растворяется в договорных ценностях. В то же время договариваться, как и оправдываться, значит снижать. Буржуа, который весь день «договаривается», тяготеет к тому, чтобы все объяснить: он объясняет причины и ищет возможность донести это объяснение до других. Практическая рациональность побеждает, и достоинство отныне сводится к качеству, которое идет в паре с величиной. «Все возвышенное умерло в буржуазии», — говорил Сорель.

Зомбарт вскрывает также радикальную оппозицию между буржуазным темпераментом и темпераментом «эротическим»: «Как чувственный, так и бесчувственный темпера-

мент являются чуждыми темпераменту эротическому. Оба они принадлежат к буржуазному мироощущению. Между чувственностью и эротикой существует глубочайшая пропасть. Мы можем сказать, что между хорошим хозяином дома (хорошим буржуа) и носителем эротического темперамента существует непримиримая оппозиция. Главной ценностью жизни является или экономический интерес (в широком смысле этого слова), или интерес эротический. Живут или для экономии, или для любви. Тот, кто живет для экономии, накапливает, тот, кто живет для любви, растрчивает»⁴⁸. Зомбарт подчеркивает также значение неудовлетворенности и зависти для формирования буржуазного духа, проступающих всякий раз, когда буржуа хочет занять место аристократа⁴⁹. Наконец, он замечает, что капиталист несет в себе типично детские черты: как и ребенок, он любит конкретную величину (чем больше, тем лучше), скорость движения, новизну (только за то, что она нова), чувство могущества, которое дает обладание объектами.

Эммануэль Берл, со своей стороны, справедливо отмечает, что в среде аристократии сын хочет как можно больше походить если не на отца, то на идеальный образ представителя своего рода. В то же время «идеальная буржуазная семья, напротив, подразумевает определенный прогресс сына по отношению к отцу и постепенное накапливание от поколения к поколению заслуг, выражающихся в деньгах и собственности»⁵⁰. Здесь мы видим ориентацию на будущее. Отсюда исходит убеждение в том, что дети должны больше получать, чем их родители, а помочь в этом им должна школа. Это в высшей степени буржуазная идея — о том, что образовательная система должна давать профессию и чем полезнее дисциплины, тем они лучше⁵¹.

Для буржуа старого стиля необходимо добиться прекращения избыточных затрат. И для этого считать и считать без конца. Но что такое «избыточное»? Прежде всего то, что не поддается подсчету, то, что не обладает расчетной полезностью, то, что не сводится к индивидуальной выгоде, рен-

табельности и прибыли. Корнелиус Касториадис пишет: «Появление буржуазии, ее экспансия и финальная победа идут рука об руку с появлением, распространением и финальной победой новой идеи. Идеи о том, что бесконечный рост производства и производительных сил является главной целью человеческой жизни. Эту идею я называю воображаемым социальным значением. Ему соответствуют новые отношения, ценности и нормы, новое социальное определение реальности и бытия как того, что поддается и не поддается расчету. Короче говоря, тот, кто считает, отныне и сам может быть подсчитан»⁵². Буржуазный дух характеризуется не только рационализацией экономической деятельности, но и распространением этой рационализации на все области жизни. Экономическая деятельность становится парадигмой для всех социальных фактов.

Аристотель утверждал, что добродетели невозможно достигнуть с помощью внешних благ, но внешние блага достижимы с помощью добродетели. Цицерон выражал жизненное кредо своего времени в следующих словах: «Важно не то, полезно ли нечто, но то, чем оно является»⁵³. С буржуазной точки зрения, все наоборот: чем больше материальная выгода от объекта, тем он ценнее; человек не более того, чем он обладает⁵⁴. В связи с тем, что данная оценка преуспевания нуждается в единой мере, деньги становятся всеобщим эталоном. Всем известна поговорка: «Идиот-бедняк — это идиот, а идиот-богач — это богач». Деньги, как объясняет Зомбарт, «являются чрезвычайно удобным средством превращать в количество те ценности, которые мы не можем ни оценить, ни измерить. Драгоценно то, что стоит много денег»⁵⁵. В пределе сама идея равенства подразумевает уже не правовое равенство, но нумерическое ($1=1$), так как «взаимозаменяемость любой человеческой деятельности на любую другую является не товарной, а монетарной моделью»⁵⁶. Социальные отношения, таким образом, начинают функционировать по модели рынка, т. е. вся система объектов подразделяется на объектов-собственников

и объектов, находящихся в собственности. Никто не описал этого социального разделения лучше, чем Карл Маркс, отметивший, что отношения между индивидами, стремящимися к достижению своего максимального интереса, превращаются в вещи⁵⁷.

Само время становится товаром. Католическая церковь была первым, кто заявил, что время является ценным и «невозобновимым» даром, который нельзя «проматывать»⁵⁸. Отныне счет времени подчиняется убеждению, высказанному Франклином: «Время — деньги» (*Time is money*). Подсчитывать кванты времени — все равно что подсчитывать деньги: ты уже не сможешь восстановить потерянное время, как и потраченные деньги. Это утверждение представляется революционным, даже если не брать в расчет парадоксы, которые оно привносит в обыденную жизнь⁵⁹. Говорить о том, что время — редкий дар, — значит утверждать, что оно является ограниченным количеством. Если время является чисто количественным явлением, то каждый его квант отныне эквивалентен другому, а значит, его качественное содержание не имеет значения. Длительность существования становится самоценным и позволяет не заботиться об интенсивности (или отсутствии интенсивности) этого существования. Лучшее еще раз сводится к большему. Время становится гомогенным. У буржуазного общества может быть только количественное отношение к времени.

Буржуа стремится казаться, а не быть. Вся его жизнь подчинена «счастью», т. е. благосостоянию. Такое счастье тесно связано с собственностью, т. е. с целостностью объектов, находящихся во владении. Отсюда стремление буржуазии сделать из права собственности первое из «естественных прав». Отсюда важность, которую буржуа уделяет «уверенности», т. е. защите того, что он уже имеет, и того, на что распространяется его интерес. Безопасность является духовным комфортом, она гарантирует обладание достигнутыми благами и позволяет подсчитывать.

Буржуазная политика является отражением этих ожиданий. Пренебрегая собственно политическими проблемами, буржуа ожидает от политики безопасности, позволяющей ему без риска распоряжаться своими активами. Идеальным в его понимании является такое правительство, которое слишком слабо для вмешательства в дела рынка, но достаточно сильно, чтобы обеспечить его бесперебойное функционирование. Либеральное государство — это Государство-жандарм, «ночной страж». В XVIII в. доктрина разделения властей позволила буржуазии приобрести законодательную власть в рамках ассамблей, избранных на основе имущественного ценза. Такая государственная деятельность воспринималась как сущностно формальная. Одновременно буржуа, не любящий ни скандала, ни риска, который невозможно подсчитать, воздерживается от силовых и ответственных решений. Он думает, что все можно решить с помощью компромисса, публичных дебатов, дискуссии, апеллирующей к разуму. Он хочет подчинить политическое юридическому («правовое государство»), потому что стремится к экономии инициатив, желает ограничиться в действиях установленными нормами. Вот почему он всегда безоружен перед лицом чрезвычайных обстоятельств и непредвиденных ситуаций. Для него юридическая норма является средством свести непредвиденное к обычному.

Политическая игра является калькой экономической деятельности. Торговцу, посреднику между производителем и потребителем, соответствует депутат парламента, посредник между избирателем и Государством. Договорным торгам соответствует дискуссия, призванная сэкономить на решениях. Правые либералы, орлеанисты, долгое время являли образец такого поведения⁶⁰. Полемизируя с ними, Доносо Кортес определил буржуазию как «самый спорящий» из классов. Ницше в 1887 г. говорил о «преобладании торговцев и посредников даже в интеллектуальной сфере»⁶¹. Однако вскоре орлеанизм стал заражать и левых. Пеги имел полное право написать: «Буржуазия, будучи посредником,

выковала свое подобие: всех этих „буржуазных интеллектуальных“ политиков, в которых не осталось ничего от социалистов, ничего от народников, автоматических распространителей пропаганды, носителей того же духа, тех же методов, что и их противники. Именно с их помощью буржуазный дух постепенно проникает в среду рабочих и разлагает народ, старый настоящий народ, чтобы заменить его аморфной массой, жестокой, посредственной, забывшей о своей национальной принадлежности и своих старых доблестях публикой, все ненавидящей толпой»⁶².

Фактически буржуазия не любит ни сильных убеждений, ни непредвиденных обстоятельств. Она не подвержена ни энтузиазму, ни вере. Вот почему она считает, что «идеология всегда антибуржуазна» (Эмманюэль Берл), и провозглашает «конец идеологий», не замечая, что такой конец совпадает с крахом ее собственной идеологии. По сути, буржуазия не любит бесконечности, всего, что превосходит материальное — единственное, о чем она имеет представление. Эмманюэль Мунье, видевший в буржуазном менталитете «наиболее характерный антипод всякой духовности», писал: «Буржуа это человек, потерявший смысл бытия, чувствующий себя уютно только в окружении вещей, причем вещей полезных, лишенных тайны»⁶³. Бернанос писал: «Единственная сила этих амбициозных ничтожеств заключается в том, чтобы ничем не восхищаться».

Используя это объяснение, можно проанализировать «буржуазную мораль», например пуританскую этику, из которой исходят добродетели буржуа старого стиля, имеющие своей сокровенной целью полезность. Даже главная добродетель, коммерческая порядочность, оправдывается тем, что она рентабельна. Нечестный коммерсант может растерять свою клиентуру. Таким образом, для того чтобы преуспевать, не нужно обманывать («Honesty is the best policy!»*). Тот же самый буржуа, не колеблясь, прибегает

* Игра слов: Честность — лучшая политика / страховой полис (англ.).

к агрессивной конкуренции, отнимая клиентуру у своего собрата, создававшего ее долгие годы⁶⁴. И если он может пожертвовать качеством своего товара, снизив цену на него, убедив при этом потребителей с помощью тактики продвижения и рекламы в обратном, он, не колеблясь, сделает это. Как писал Зомбарт: «Экономика организована исключительно с точки зрения производства товаров. Единственной рациональной целью капиталиста является извлечение максимальной прибыли. Единственным критерием производства материальных благ является не их природа и качество, но исключительно объем их продаж»⁶⁵.

Буржуа является не столько моральным, сколько морализирующим. Как заметил Мунье, он привержен морали с прикладными целями. Моральные принципы являются активами, позволяющими использовать их как против политической власти (объявить ее решения нелегитимными, используя моральные аргументы), так и против народа («опасных классов»), чтобы переубедить его бунтовать против правил социальной игры. Мораль, как и религия, становится помощницей жандармерии. Она позволяет поддерживать порядок и бороться с «плохими», сомневающимися в установленном порядке.

Как же обстоит дело сейчас? С начала XX века происходило все большее сближение буржуазии и среднего класса. Сам же средний класс становился все более многочисленным. Это дало Дональду Макклоски полное право написать в одном либертарианском журнале: «Буржуа победил. XXI век будет веком среднего класса»⁶⁶. Но еще ранее Пеги заметил: «Буржуа является иконой наших дней. И весь мир становится буржуазным». Эта последняя фраза может стать лейтмотивом для социологии позднего модерна.

С периода «славного тридцатилетия» (1945–1975 гг., термин Фурастье) французское общество начинает «обуржуазиваться» по всем направлениям. Под влиянием рекламы

и телевидения происходит гомогенизация как индивидуального поведения, так и общественных отношений, а сельская Франция, носительница традиций, на глазах сжимается как шагреновая кожа. Жан-Франсуа де Вюльперьер составил краткую, но убедительную таблицу этапов этого обуржуазивания, затронувшего правых и левых политиков, институты и доктрины, политическую и профсоюзную активность, профессиональную деятельность, семейную жизнь и даже развлечения. В этой таблице показаны такие феномены, как одержимость эффективностью и конкуренцией, реабилитация денег, рост гражданского безразличия и электоральной пассивности, повышение значения «консенсуса», подчинение школы требованиям предпринимателей, критика «идеологий» и даже падение рождаемости, вызванное в первую очередь тем, что рождение детей рассматривается в качестве препятствия карьерному росту и повышению материального благосостояния. Он пишет: «Все, что исходит от народных традиций, находится в упадке, все, что порождено буржуазными привычками, задает тон. Это заходит гораздо дальше мод и манер поведения. Буржуазные ценности подчинили себе дух эпохи»⁶⁷.

Подобное движение имеет тенденцию к росту. Исследование, проведенное в 1993 г. журналом *Point*, констатировало «возвращение буржуазного духа», живым воплощением которого был тогдашний премьер-министр Эдуард Балладюр: «Как никогда ранее, французы стремятся к безопасности и комфорту. Буржуазные ценности все более доминируют. Освобожденные от своего классового измерения, они стали скорее „социальной страховкой“, договором о консенсусе, общим законодателем беспокойных коллективов. Весь мир движется к конвергенции неотменимых требований общества потребления и возрождения буржуазных ценностей. Знаменитый лозунг 1968 года „беспрепятственно наслаждаться“ принят и усвоен обществом. Необуржуазная культура превратилась в поиски комфорта»⁶⁸.

Эти политические партии, институты, влияющие на общественное мнение, социальные группы соперничают друг с другом только в том, кто лучше других удовлетворит ожидания избирателей. Фактически все они стали «левыми прогрессистами». В современной Франции человек тем более буржуазен, чем более это позволяют ему материальные возможности. Обуржуазивание во Франции «левых головастиков», во многом ответственных за крах гошизма как политического проекта, доказывает, что «орлеанизм» является направлением, по-прежнему разделяемым бомондом. Для того чтобы «новые буржуи» и «новые буржуинки» могли выделиться в обезличенном мире, целиком построенном по стандартам буржуазного менталитета, они заимствуют «аристократические нравы» (впрочем, им доступны самые ничтожные и самые выхолощенные из них). Несчастные женщины из среднего класса, наглотававшиеся таблеток, абортированные, разведенные, несколько раз вышедшие замуж, ничуть не менее буржуазны, чем американские бизнесвумен или молоденькие девочки VCBG, присутствующие на телешоу⁶⁹.

На первый взгляд, буржуа очень сильно изменился. Он уже ничем не напоминает идеал Бенджамина Франклина, идеал буржуа ханжеского, работающего и экономного. Мало общего в нем и с буржуа XIX в. — дорожающим репутацией, удовлетворенным и закомплексованным общепринятыми требованиями. Это динамичный, спортивный и даже богемный гедонист. Он очень далек от того, чтобы избегать чрезмерных трат, буквально одержим жаждой потребления и стремится овладеть всеми техническими новинками. Будучи бесконечно далеким от самоограничения, он одержим культом «я», «короче говоря, в таких людях все подчинено наслаждению» (Пеги). Одновременно все эти технические гаджеты проникают и в его частную жизнь: мобильный телефон, факс, модем, видеоконференции, покупка по Интернету, доставка на дом, интерактивные системы и т. д. Все это позволяет ему быть в контакте с миром

без соучастия в нем, оставаясь в коконе своего дома и ведя жизнь, в которой все является продолжением его телекоманд.

Другой существенный феномен данной эволюции состоит во всеобщем распространении кредита, позволяющем по-новому использовать время в качестве товара. Отныне не только само время становится деньгами, но и деньги можно перенести в другое время, т. е. в будущее. Благодаря кредиту индивид может жить в виртуальном времени дольше, чем он живет в реальном. Буржуа старого стиля проповедовал сдержанность в расходах. Кредит позволяет, несмотря на рост сверхзадолженности, тратить больше, чем зарабатываешь. Дэниэл Белл отмечает: «Протестантскую этику подорвал не модернизм, но сам капитализм. Самым эффективным инструментом разрушения протестантской этики было изобретение кредита. Раньше для того, чтобы купить, нужно было вначале экономить, но с появлением кредитной карточки все желания удовлетворяются немедленно»⁷⁰.

Буржуа попросту *создал свой собственный мир*, в котором прежние добродетели уже не воплощаются в конкретных людях, поскольку их перенесли на глобальное общество. Вот эта соотнесенность с обществом и позволяет понять современную эволюцию буржуазии. Отныне само общество должно вести себя рационально и рассудительно, заслуживать экономического и коммерческого доверия. Вернер Зомбарт очень хорошо показал это на примере предприятий: современный капитализм сохраняет все буржуазные добродетели, но отрывает их от людей и переносит на фирмы, которые отныне «приобретают все качества живых людей для того, чтобы демонстрировать правильное экономическое поведение»⁷¹. Теперь уже не обязательно, чтобы доверия заслуживал буржуа. За него эту функцию выполняет его предприятие. Государства в настоящее время являются всего лишь большими фирмами, управляемыми менеджерами и специалистами по управлению. То же самое происходит и с моралью: индивиды теперь не обязаны

по всей строгости подчиняться моральным законам, так как само общество должно быть моральным и уважать «права человека». Буржуазия исчезла как класс для того, чтобы занять место общества и духа времени, сделав их буржуазными, и заставить всех разделять одни и те же страсти и фобии.

В действительности буржуа не изменился. Под разными масками мы обнаруживаем одну и ту же сущность. На первый взгляд кажется, что закон наименьшего усилия противоречит осуждению «праздности». Если же вдуматься хорошенько, то он вытекает из того же самого принципа экономии и эффективности. Дух расчетливости и поиск наибольшего интереса присутствуют как в прежнем накопительстве, так и в нынешнем гедонизме. Тратят больше, но при этом всегда считают. Предаются расточительству, но не благотворительности. Короче говоря, во всех случаях ищут прежде всего *пользу*. Все члены общества приняли поведение рыночного торговца. Все изыскивают свою выгоду. Все стремятся к идеалу индивида-собственника самого себя, к превосходству практического разума, культуре новизны и рентабельности. Даже если мода занимает место общественного договора, настроение, создаваемое масс-медиа, — общественного мнения, а *press-book* — коммерческих патентов, буржуа продолжает жить в мире кажимости и обладания. Больше чем когда-либо буржуа стремится к извлечению наибольшей выгоды и для самооправдания старается убедить других в том, что его образ жизни — наиболее оправданный и приемлемый. Более чем когда-либо он выдает исключение за правило, частное за универсальное. Более чем когда-либо ему чужды благотворительность, бескорыстие, вкус бесполезного — то, что свидетельствует о выходе человека за пределы сиюминутного тварного бытия.

«То, что более всего характерно для буржуа наших дней, — писал еще Вернер Зомбарт, — это безразличие к проблеме судьбы и назначения человека. Человек полностью выпадает из таблицы экономических ценностей. Интересуются исключительно процессом производства,

транспортом, ценообразованием и т. д. Fiat production et pereat homo!»⁷² Сюда можно добавить слова Эмманюэля Берла: «Время последних людей, о котором предупреждал Ницше. Американский империализм победил без боя. Обуржуазивание пролетариата положило конец классовой борьбе»⁷³.

Можно задать вопрос о том, является ли начало пост-модерна концом эпохи классической буржуазности⁷⁴, а также о том, так ли уж бесконфликтно наше будущее социальное бытие. Не произойдет ли в нем расколов по новым линиям? Сейчас мы наблюдаем раскол между крупной финансовой буржуазией мондиалистского типа и мелкой буржуазией, ассоциировавшейся на протяжении десятилетий с «национальным» капитализмом, исчезающим у нас на глазах. Глобализация экономики, развитие и рост коммерческих и посреднических сетей, увеличивающаяся скорость этой эволюции, ведущей к росту безработицы и угрозам новых кризисов, вновь погружают средний класс в состояние беспокойства и неуверенности в будущем, в панический страх перед возможностью оказаться «на дне». В результате все большие массы бывших выходцев из среднего класса ощущают себя «пролетаризовавшимися» и «маргинализовавшимися», что ставит общество перед перспективой новых расколов.

В ходе своей истории буржуазия подвергалась критике как сверху, так и снизу, как со стороны аристократии, так и со стороны народа. Мы уже говорили о том, что эти критики порой были несходными и даже противоречивыми. Стоит отметить лишь, что в кастовой трехчастной системе изначального общества, описанного Жоржем Дюмезилем, буржуазия не соответствует ни одному из элементов. Сама она претендует на то, чтобы выполнять третью функцию — народа-производителя. Однако получение прибавочной стоимости из посреднических услуг не является приращением полезного продукта. История последних восьми или десяти столетий показывает нам, что буржуазия, первоначально бывшая ничем, позднее стала всем. Можно назвать

ее классом, оторвавшим народ от аристократии, уничтожившим связи между ними и рассекшим социальное бытие. Буржуазия является во всех смыслах «средним классом», классом посредников. Эдуард Берт писал: «Есть только две знати — знатные труженики и знатные рыцари. Буржуа, торговец, человек лавки, банка, биржи, как и его собрат, посредник-интеллектуал, являются одинаково чуждыми как миру труда, так и воинскому миру. Именно поэтому они фатально осуждены на пошлость сердца и ума»⁷⁵. Может быть, для того, чтобы выйти из этой пошлости, нужно восстановить в одно и то же время аристократию и народ?

¹ Рене Жоанне со своей «Похвалой французской буржуазии» остался в одиночестве и не имел последователей. Апология буржуазии начала пользоваться популярностью уже в наши дни. Отметим, например, книгу Феликса Кольме Даажа «Буржуазный класс. Его происхождение. Его социальная роль и условия существования» (*Nouvelles éditions latines*, 1959).

² *Le Point*, 22.05.1993.

³ *Les bourgeois et la bourgeoisie en France depuis 1815*. Aubier-Montagnes, 1987. Также знаменитая трилогия Эмманюэля Берла: *Mort de la morale bourgeoise* (Gallimard, 1929), *Mort de la pensée bourgeoise* (Gallimard, 1929), *Frères bourgeois, mourez-vous?* (Bernard Grasset, 1938).

⁴ *Chronique en onze lettres*. Antenne, 1989, p. 9.

⁵ *Métamorphose du bourgeois*. Calmann-Levy, 1967, p. 10.

⁶ Изначально буржуа был обитателем «бурга», т. е. укрепленного поселения городского типа, что давало ему некоторую безопасность и позволяло активнее участвовать в денежных обменах в противоположность крестьянину.

⁷ Движение коммун не было движением народным. Это было течение, возглавляемое богатыми торговцами. Вопреки устоявшемуся историческому мифу, городские магистратуры никогда не избирались народным голосованием.

⁸ *Déchéance des bourgeoisies d'argent*. Flammarion, 1936, p. 27.

⁹ *Ibid.*

¹⁰ Lettres, instructions etc de Colber, vol. 2, 2e partie, CCVII.

¹¹ Le libéralisme économique. L'histoire de l'idée du marché. Seuil-Points, 1989, p. 117–118.

¹² La grande transformation. D'origine sociale et économique de notre temps. Gallimard, 1983, p. 321.

¹³ Le libéralisme économique, op. cit., p. 124.

¹⁴ Ibid., p. 115.

¹⁵ L'ère de vide. Essais sur l'individualisme contemporaine. Gallimard, 1983, p. 116.

¹⁶ Такая равнозначность была показана Вернером Зомбартом. Пеги писал, со своей стороны: «Часто забывают, что современный мир другим своим лицом является миром буржуазным, капиталистическим. Забавно наблюдать некоторых наших социалистов, не замечающих этого противоречия. Они, с одной стороны, восхищаются современностью, с другой же — клеймят буржуазность и капитализм».

¹⁷ Op. cit., p. 98–99.

¹⁸ Pierre Lucius, op. cit., p. 22–23.

¹⁹ Если верить историческим хроникам IX столетия, пишущим о том, что отцы церкви превыше всего ценили деньги, жажда наживы зародилась именно в клерикальных кругах.

²⁰ Le bourgeois. Contribution à l'histoire morale et intellectuelle de l'homme économique moderne. Paris, Payot, p. 403–404.

²¹ Ibid., p. 288–289. Зомбарт доходил до того, что приписывал этому осуждению Церковью «праздности» решающую роль в формировании буржуазного духа (он объяснял это тем, что священники не хотели и не имели возможности работать, но желали, чтобы их деньги работали на них). Аналогичные идеи можно найти у Жоржа Сореля («Античная и новая метафизика» и «Конец язычества» в «D'Aristote à Marx», 1935).

²² Op. cit., p. 99.

²³ Жак Элюль писал: «XVIII век создал идею „счастья“. Именно буржуазное XVIII столетие, озаренное буржуазным духом, дало начало этой идее» (Op. cit., p. 77).

²⁴ De l'esclavage et de la liberté de l'homme. Desclée de Brouwer, 1990, p. 292–294.

²⁵ Пропасть между аристократией и буржуазией в Англии была более глубокой и образовалась в Англии быстрее, чем во

Франции, потому что английское могущество более держалось на морском господстве, что усиливало роль торговли и промышленности по сравнению с армией. Интересно отметить, что в британской колонизации огромную роль играли средние и низшие классы.

²⁶ Emmanuel Mounier. Manifeste au service du personnalisme. Fernand Aubier, 1936, p. 27.

²⁷ На этот счет можно многое почерпнуть в книге Патриции Жениффе «Число и разум. Французская революция и выборы», 1993, в предисловии к которой Франсуа Фюре писал: «С самого начала лидеры революции желали иметь не избирателей, но арбитров при распределении власти».

²⁸ Marguerite Perrot. Le mode de vie des familles bourgeoises. Armand Collin, 1961.

²⁹ По поводу критики буржуазности с христианской точки зрения см.: Bernard Dumont. La tentation bourgeoise // Catholica, 1991, p. 10–22.

³⁰ À rebours, 1-e ed., 1884.

³¹ Карл Маркс и Фридрих Энгельс. Манифест Коммунистической партии, 1848.

³² Именно в этом парадоксальном смысле итальянский католический философ Аугусто дель Ноче писал о том, что советизм потерпел крах на Востоке, но марксизм успешно внедрил на Западе. В этой же самой перспективе Алан Бадью писал: «Сегодня „смерть коммунизма“, крах всей коммунистической политики сочетается с видимым триумфом на всех уровнях „вульгарного марксизма“, того самого, который не признает ничего, кроме экономики» (D'un désastre obscure. Droit. État. Politique. Aube, 1991, p. 28).

³³ Emmanuel Beau de Lomenie. Responsabilité des dynasties bourgeoises. 5 vol. Denoel, 1963–1978.

³⁴ Мунье абсолютно верно заметил: «В конце концов нет никакого другого буржуа, кроме мелкого буржуа. Любой буржуа вышел из него, что чувствуется в его привычках» (Révolution personnaliste et communautaire. Fernand Aubier, 1935, p. 355).

³⁵ Эмманюэль Берл остроумно писал: «Дрѣ де ля Рошель выдвинул странную теорию, согласно которой мелкий буржуа

является гражданином по преимуществу, так как поддерживает связи с самыми разными слоями нашего общества. Может быть, он путает буржуа с авантюристом и проходимцем?» (Frères-bourgeois, mourez-vous? Op. cit., p. 46).

³⁶ Manifeste au service de personnalisme. Op. cit., p. 26.

³⁷ О двусмысленных отношениях между фашизмом и буржуазией см. две статьи Юлиуса Эвола, опубликованные в Риме в 1940 г. в сборнике *Processo alla borghesia* под редакцией Эдгардо Суллиса: «Процесс буржуазии» и «Мифы и реальность антибуржуазной борьбы».

³⁸ Thierry Maulnier. Contre la culture bourgeoise // Combat, 10.1936 et 02.1937.

³⁹ L'argent, 1913 (repris dans *Notre Royaume de France*. Gallimard, 1948, p. 287–288).

⁴⁰ Max Scheler. Vom Umsturz der Werte. Leipzig, 1919.

⁴¹ Eduard Spranger. Lebensformen. Halle, 1925.

⁴² La barrière et le niveau. Étude sociologique sur la bourgeoisie française moderne. PUF, 1967, p. 6.

⁴³ Зомбарт пишет о характерах с капиталистической предрасположенностью, в которых в зародыше содержится буржуазный дух.

⁴⁴ Это спорный тезис.

⁴⁵ Op. cit., p. 141.

⁴⁶ Ibid., p. 244–245.

⁴⁷ Peter Berger. On the Obscure of the concept of Honour // European Journal of Sociology, 1970, p. 339–347. Автор вскрывает связь между появлением модерна и растущим значением понятия личного достоинства. Он показывает, какое место в этом процессе занимало «обуржуазивание чести».

⁴⁸ Ibid., p. 246–247.

⁴⁹ «Это были люди буржуазной складки, завистливые по отношению к сеньорам и их образу жизни, любящие в сущности сеньориальный образ жизни, но неспособные по внутренним и внешним причинам вести его. В связи с этим они во всеуслышание заявляли всюду, что подобный образ жизни является наиболее порочным, и вели против него настоящий крестовый поход» (Указ. соч., с. 411). Здесь чувствуется влияние Ницше. Значение ресантимана (озлобленной зависти) для появления капитализма

подчеркивал в своих работах и Макс Шелер. Рауль Ванейгем писал: «Известно, в какой степени аристократия презирует труд, даже если он необходим для ее выживания. Экономические матери, которые аристократы всегда считали экскрементами богов, буржуазия сделала своей пищей. В ходе дальнейшего развития она показала, что является настоящим экскрементом религии и экономики» (Le livre de plaisir. Encre, 1979).

⁵⁰ Frères bourgeois, mourez-vous? Op. cit., p. 92.

⁵¹ Жак Элюль пишет: «Современные подходы к образованию обусловлены господством денег» (Указ. соч., с. 92).

⁵² Domaines de l'homme. Les carrefours du labyrinthe. Seuil, 1986, p. 140.

⁵³ Brutus, 257.

⁵⁴ Эмманюэль Мунье подчеркивает: «„Иметь“ — это деградировавший заменитель „быть“. Имеют то, чем не могут быть, но в то же время невозможно обладать человеком без того, чтобы быть с ним, т. е. любить. Буржуазный грех заключается в том, что хотят иметь, избегая при этом быть» (Révolution personaliste et communautaire. Op. cit., p. 210).

⁵⁵ Op. cit., p. 210.

⁵⁶ Chronique en onze lettres. Op. cit., p. 15.

⁵⁷ «Когда встает вопрос о материальном интересе, буржуа всегда уклоняется на третий путь между ним и своей жизнью» (Karl Marx et Friedrich Engels. Idéologie allemande. Éditions Sociales, 1968, p. 241).

⁵⁸ Фома Аквинский. Сумма теологии, II, 9, 2.

⁵⁹ «Потребление действительно занимает много времени. Чем больше потребляешь, тем более редким дефицитом становится время. И тем более стараются его сэкономить» (Jean-Pierre Dupuis. Ordres et désordres. Enquête sur un nouveau paradigme. Seuil, 1982, p. 85–86).

⁶⁰ Пеги: «Все мы, в сущности, страдаем от орлеанизма» (L'argent, op. cit., III, p. 386).

⁶¹ См.: Pierre-Andre Taguieff. Le paradigme traditionaliste: horreur de la modernité et antiliberalisme. Nietzsche dans la rhétorique réactionnaire // Luc Ferry et Alain Renaut. Pourquoi nous ne sommes pas nietzschéens. Grasset, 1991, p. 224.

⁶² Op. cit.

⁶³ Manifeste au service du personnalisme, op. cit., p. 20.

⁶⁴ Известно, что на протяжении большей части истории агрессивная конкуренция признавалась аморальной. Даже в начале XIX века многие предприятия отказывались прибегать к рекламе, считая, что качество их продукции является лучшим средством привлечения покупателей. О различии между тем, как действовать морально, но при этом имея в виду свой максимальный интерес, и тем, как действовать просто морально, см.: Emmanuel Kant. *Fondement de métaphysique des mœurs*, v. 1. J. Vrin, 1980, p. 62.

⁶⁵ Op. cit., p. 217.

⁶⁶ Bourgeois blues // Reason, 05.1993, p. 47.

⁶⁷ Le printemps bourgeois. Table ronde, 1990, p. 13.

⁶⁸ Christian Makarian. Le retour de l'esprit bourgeois // Le Point, 22.05.1993.

⁶⁹ Marie Laure de Leotard et Valerie Hanotel. Nous, les bourgeoises. Pres-aux-Clercs, 1991; Michel Legris. Enquête sur les bourgeoises // l'Express, 04.04.1991.

⁷⁰ Les contradictions culturelles du capitalisme. PUF, 1979, p. 31.

⁷¹ Op. cit., p. 223.

⁷² Op. cit., p. 400.

⁷³ Mort de la pensée bourgeoise, op. cit., p. 197.

⁷⁴ Для того чтобы оценить глубинный характер некоторых идеологем постмодерна, см.: Panayotis Condilis. Der Niedergang der burgerlichen Denk- und Lebensform. Die liberale Moderne und die massendemokratische Postmoderne. VCH-Acta humaniora, Weinheim, 1991.

⁷⁵ Les nouveaux aspects du socialisme. Marcel Rivière, p. 57.